

Гости на нижнем этаже, слуги в зале, артисты в комнатах — все, увидев, что кто-то бросает деньги, не обращая внимания на боль от ударов, выбежали из своих комнат и собрались внизу, крича и пытаясь поймать монеты. Слуги в зале тоже начали кричать от восторга. В одно мгновение зал наполнился шумом и весельем.

Инь Хуамань тоже улыбался, прикрывая рот рукой, и издали поклонился Дин Чжунчоу.

Увидев, что красавец улыбается, Дин Чжунчоу почувствовал, как его сердце наполнилось яркими красками, и, не задумываясь, хотел бросить ещё, как вдруг услышал, как тот молодой человек рядом с ним вскрикнул от боли. Посмотрев, он увидел, что правая рука того опухла и слегка посинела. От боли его лицо исказилось. Все вокруг недоумевали, спрашивая, что случилось, ведь только что всё было в порядке. Сяо Чжоухэн почувствовал на себе злобный взгляд, но не обратил на это внимания, сосредоточившись на орехах в тарелке.

Дин Чжунчоу, всё ещё увлечённый Инь Хуаманем, не хотел портить настроение, поэтому велел слугам отвести того молодого человека к врачу, а затем заказал ещё несколько песен, и Инь Хуамань снова начал петь на сцене.

...

По сравнению с шумным Цзяофансы, резиденция Ли казалась ещё более безмолвной.

Тринадцатый молодой господин Ли Юньгуан целый день играл в мяч, а после закрытия парка зашёл в игорный дом на южной улице, где долго играл в карты и пил вино. Когда его слуга Хун Таньмэй напомнил ему, что уже поздно, он с неохотой взял свою клетку для сверчков и вернулся в резиденцию Ли.

В любом случае, Ли Юньгуан взял несколько дней отпуска в Улине, и эти дни он проводил в праздности.

Везде, куда бы он ни посмотрел, были драгоценные сосуды, изысканные лютни, резные крыши, цветочные заросли и лунные красавицы. Действительно, нигде не было так хорошо, как в Цзиньлине, думал Ли Юньгуан.

Когда он вернулся в резиденцию, его поддерживал Хун Таньмэй, и он шёл, покачиваясь. Внезапно перед ним промелькнула тень. Ли Юньгуан попытался схватить её, крича:

— Кто это?

Тень, похоже, не ожидала, что кто-то будет здесь в это время, и сразу же побежала. Ли Юньгуан хотел последовать за ней, но, будучи выше Хун Таньмэя и пьяным, потянул его за собой, и оба упали. Ли Юньгуан бормотал что-то невнятное:

— Чего ты боишься? Куда бежишь? Стой, стой!

Хун Таньмэй, оглушённый, едва смог поднять Ли Юньгуана, а сверчок в клетке воспользовался моментом и сбежал. Осмотревшись, он с удивлением спросил:

— Господин, а этот человек, кажется, вышел из покоев шестнадцатой мисс?

Ли Юньгуан закатил глаза, что-то промычал и, склонив голову на плечо Хун Таньмэя, заснул.

Когда шум утих и в окна начал пробиваться рассвет, на востоке уже занимался день.

Дин Чжунчоу уже полностью покорился чарам Инь Хуаманя, а остальные незнакомые гости тоже начали прощаться. Инь Цзючу, который не выдержал алкоголя, уже давно спал. Сяо Чжоухэн дал слугам немного денег, чтобы те отвезли Инь Цзючу обратно в магазин картин.

Сяо Чжоухэн и Хуанфу Чу вышли из Шуйяньмэй, и настал момент прощания. В шелесте осеннего ветра Сяо Чжоухэн заметил мимолётную усталость в глазах Хуанфу Чу.

Хотя он и оставил после себя славу мастера, но каждый день он боролся с ветром и дождём, живя в постоянной суете. Вспоминая недавние события, Сяо Чжоухэн почувствовал, что ничто в этом мире не идёт так, как хочется. Он никогда не спрашивал Хуанфу Чу о его мыслях, но теперь надеялся, что, когда тот вернётся, они смогут снова выпить вместе. С этой мыслью он немного успокоился и, улыбнувшись, сказал:

— Мы будем ждать твоего возвращения, с полными чашами вина и горячими углями в печи. Достаточно ли это искренне?

Хуанфу Чу тоже улыбнулся:

— Более чем.

Когда Сяо Чжоухэн, всё ещё одурманенный, вернулся в резиденцию Ли, его встретила Бехун, которая торопливо сказала:

— Господин Цзюэянь, вы наконец вернулись. Шестнадцатая мисс ждала вас уже давно.

Сяо Чжоухэн был удивлён, не зная, зачем Ли Чжююэ пришла к нему. Не успев даже переодеться, он поспешил выйти, чтобы встретить её.

Выйдя из комнаты, он увидел шестнадцатую мисс Ли Чжююэ и её служанку Сяннун, сидящих в беседке под деревом вдалеке. Среди теней деревьев и осенних листьев обе смотрели в его сторону.

— Шестнадцатая мисс. — Сяо Чжоухэн поспешил вперёд и поклонился, не глядя на лицо Ли Чжююэ.

Ли Чжююэ, естественно, почувствовала запах алкоголя от Сяо Чжоухэна, но её лицо оставалось спокойным. Её глаза, полные очарования, слегка прищурились, и она, держась за край платья, медленно встала и поклонилась:

— Господин Цзюэянь, доброго здоровья. Сегодня я пришла с просьбой, надеюсь, господин Цзюэянь сможет мне помочь.

— Не смею, если смогу быть полезен, приложу все усилия.

Ли Чжююэ немного помолчала, и на её щеках появился румянец:

— Не мог бы господин Цзюэянь нарисовать мой портрет?

— Портрет?

— Господин не хочет? Если так, то я...

— Конечно, нет. — Сяо Чжоухэн не мог понять, что задумала Ли Чжююэ. Они едва обменялись тремя словами за всё время его пребывания в резиденции, а после недавних слухов он был ещё

более насторожен. — Просто я не силен в живописи, боюсь...

— Неужели я недостойна взгляда господина?

Что за слова! Сяо Чжоухэн беспокоился, что кто-то может услышать и это вызовет новые проблемы. Он только надеялся, что за эти мгновения сможет придумать, как отказаться.

Увидев, что Сяо Чжоухэн молчит, Ли Чжююэ решила, что он согласился, и поклонилась:

— Благодарю господина Цзюэянь. Я пойду ждать в беседке с хаитаном.

В Цзиньлине было множество художников, почему же она настаивает на том, чтобы именно он, с его скромными способностями, нарисовал её портрет? Даже Инь Цзючу был в тысячу раз лучше него. Его уровень подходил разве что для рисования детей в резиденции Ли, но для Ли Чжююэ...

Сяо Чжоухэн вздохнул. Сейчас он не мог придумать, как отказаться, поэтому велел Бехун принести его кисти и краски, а затем запер дверь и направился к беседке с хаитаном, о которой говорила Ли Чжююэ.

Недалеко, в тени дерева, стоял Лоу Бэйинь с невыразимым выражением лица. Он наблюдал, как Сяо Чжоухэн и Бехун уходят. Как только они скрылись из виду, он вошёл в комнату Сяо Чжоухэна.

В беседке с хаитаном стояло кресло для красавицы. Среди опавших осенних листьев Ли Чжююэ сегодня была особенно нарядна. Её лицо было слегка подкрашено, а волосы, уложенные в облака, блестели. Её нос был словно из нефрита, а глаза — полные воды. Всё это подчёркивало её изящество. На первый взгляд она казалась облаком, окутанным утренним светом, деревом, висящим под осенним небом, с золотыми ветвями, украшенными драгоценностями. При ближайшем рассмотрении она была ещё прекраснее — зелёные облака, обрезанные листьями, защищающие золотую пыльцу. Она была словно цветок, чья слава прерывается, но её аромат и изящество остаются чистыми.

Нельзя было не признать, что Ли Чжююэ действительно была необычайной. Каждое её движение, каждая улыбка излучали слабость и нежность, вызывая в сердце жалость. Она была той, кого генерал Ли и её братья держали на руках, или той, кого наследник знатного рода почитал как богиню.

Но это было мнение мира, а не Сяо Чжоухэна.

Увидев это, Бехун тихо вздохнула:

— Неужели шестнадцатая мисс — это спустившаяся с небес фея?

Сяо Чжоухэн был встревожен, чувствуя, что на лице Ли Чжююэ скрываются какие-то невысказанные чувства. Её лицо казалось усталым, а взгляд был рассеянным. Он бегло взглянул на её лицо, уловив общие черты и выражение, и быстро развернул бумагу, нанёс тушь из Шэчжоу и начал рисовать. Когда портрет был готов, Сяо Чжоухэну казалось, что прошло не меньше тридцати лет. Даже Бехун, похоже, почувствовала, что это заняло слишком много времени, и начала дремать.

Наконец, закончив, хотя на портрете женщина была красива, Сяо Чжоухэн не мог смотреть на него, считая это одним из самых больших промахов в своей жизни. Он извинился и поспешно

ушёл с Бехун.

В это время в одном из залов резиденции Ли Ли Юньи уже отпустил своих служанок. В большом зале остались только он и Лю Хунцю, и, похоже, у них было что обсудить. В комнате горели благовония, а перед ними стояли чай и свежие фрукты. Оба молчали, словно молча любуясь старинными картинами и каллиграфией на стенах.

Дверь слегка приоткрылась, и внутрь проник луч света. Цуйюй, склонившись, вошла в зал. Ли Юньи слегка взглянул на неё и спросил:

— Почему господин Лоу ещё не пришёл?

— Шестой господин, я не нашла господина Лоу.

Авторское примечание: Из песни «Чжэгу тянь» неизвестного автора эпохи Сун.

Авторские способности ограничены, но, возможно, когда-нибудь я смогу написать свои собственные стихи.

Цзян Жули покидает сцену в главе 16.

Это концовка — намёк? Возможно.

<http://bllate.org/book/16134/1444551>